

Я.Н. Любарский

“КРАТКАЯ ИСТОРИЯ” МИХАИЛА ПСЕЛЛА: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА?

“Краткая история” Михаила Пселла, обнаруженная в начале века В.Н. Бенешевичем в рукописи монастыря св. Екатерины на Синае и потом надолго “забытая” византинистами¹, опубликована наконец в критическом издании с предисловием, комментарием и английским переводом голландским исследователем В. Эртсом². В синаяской рукописи тексту предшествует лемма, недвусмысленно относящая произведение Михаилу Пселлу: “Краткая история царей древнего Рима, а также нового, начиная с Ромула, с опущением царей, которые не совершили ничего примечательного. Составитель же истории – славнейший импертим Пселл”³.

Несмотря на столь ясное указание В. Эртса в предисловии к своему изданию поставил под сомнение авторство Пселла и открыл таким образом в византинистике новый “пселловский” вопрос. Д. Райнш, рецензируя издание “Краткой истории”, не только разделил сомнения В. Эртса, но даже предложил убрать имя Пселла с титула книги⁴. Напротив, “в защиту” Пселла уже успел высказаться К. Снайпс в докладе, прочитанном на Семнадцатой ежегодной конференции византинистов США⁵.

“Возражения” В. Эртса против авторства Пселла не кажутся нам серьезными. Их большая часть – *argumenta ex silentio* и в качестве таковых не нуждаются в опровержении. Кроме того, В. Эртс указывает на весьма немногочисленные случаи нехарактерного для языкового пуриста Пселла “вульгарного” словоупотребления и наличия в “Краткой истории” ряда слов, которые нельзя обнаружить в других его сочинениях. Однако *Historia Syntomos* дошла до нас только в одной рукописи, и мы не можем не знать точно, что стояло в автографе, во-вторых, сам жанр хроники – “*Trivialliteratur*”, по выражению Г. Хунгера, – допускает более свободное обращение с языком по сравнению с риторически изощренной “Хронографией” или речами.

Что касается слов, отсутствующих в прочих произведениях, то, если бы были произведены соответствующие подсчеты, такая же картина, вероятно, открылась бы и во многих других случаях.

¹ См.: Любарский Я. Михаил Пселл. Личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1978. С. 175 и след.

² *Michaelis Pselli Historia Syntomos / Editio princeps, recensuit, anglisce vertit et commentario instruit W.J.Aerts*. В., 1990. (Далее: Н.С.).

³ Н.С. Р. 2. Следует отметить, что В. Эртс неверно переводит слово *ὑπερτιμος* – “почтенный” (*honorabile*), хотя в этом контексте *ὑπερτιμος* несомненно, титул – импертим, одним из носителей которого был Михаил Пселл. Этот титул упоминается в лемме других произведений Пселла.

⁴ *Reinsch D.* [Рец.] *Michaelis Pselli Historia Syntomos // Ελληνικά*. 1990.41.

⁵ *Snipes K.* Is the *Historia Syntomos* a Genuine Work of Michael Psellos // *Seventeenth Annual Byzantine Conference*, November 8–10. Brookline (Mass.), 1991. P. 12. Опубликование полного текста доклада, видимо, следует ожидать в скором времени.

Вряд ли также решающим аргументом может являться то отмеченное В. Эртсом обстоятельство, что между “Краткой историей” и “Хронографией” существует определенное расхождение как в выборе фактов, так и в порядке их изложения. Необыкновенно плодovitый писатель и ученый, нередко весьма вольно пересказывающий свои источники, скорее всего, не имел ни времени, ни желания лишний раз заглядывать в собственные сочинения и заботиться об их полном соответствии между собой. Точно так же едва ли могут служить серьезными противопоказаниями против авторства Пселла исторические неточности и ошибки, которые допускает писатель. (В. Эртс полагает, что такой эрудит, как Пселл, ошибаться не мог и обязан был даже исправить ошибки в своих источниках!)

И тем не менее сомнения, раз высказанные, побуждают к новому прочтению “Краткой истории” и поиску “следов Пселла” во вновь опубликованном его сочинении. Занятие это вовсе не бесполезное еще и потому, что проблема авторского самовыражения в литературном произведении интересна и актуальна в применении к византийской словесности⁶.

Хотя жанр исторической хроники, к которому относится “Краткая история”, быть может, менее других в византийской литературе приспособлен для проявления авторского “я”, автор в нескольких случаях не может удержаться от прямого выражения своих суждений. “Как я считаю” (ὡς ἔγω κρίνω), оговаривается писатель, отрицательно отзываясь об императрице Ирине (H.S. 82. 72). Раз упомянув Прокла, он полагает необходимым тут же заметить, что считает его вторым философом после Платона (οὐ ἔγω μετὰ γέ Πλατῶνα τίθημι – H.S. 52. 37). Это заявление весьма показательно, ибо приверженность Пселла к неоплатонической философии хорошо известна.

Однако самый важный случай авторского “самораскрытия” в “Краткой истории” следующий: “...я составлю для тебя другую историю, начиная с Юлия Цезаря, – обещает писатель, – дабы одним из царей ты подражал, а других поражал презрением и насмешкой”⁷. Вопрос о том, к кому обращена эта фраза и для кого писатель составлял свою историю, легко можно разрешить, если мы оставим сомнения относительно авторства Пселла. Адресатом сочинения, конечно, должен был быть царственный ученик Пселла – будущий император Михаил VII, которому Пселл посвятил и многие другие дидактические сочинения. Однако самое важное в цитированном пассаже – открытое провозглашение наставительных целей сочинения. То, что эти слова не пустая декларация, доказывается всем содержанием “Краткой истории”.

Наиболее надежным способом обнаружить “авторское присутствие” в тексте хронографического – по существу компилятивного – произведения является сравнение его с параллельными источниками⁸. С большой долей вероятности можно утверждать, что пассажи, не находящие аналогов в параллельных текстах, представляют собой собственные добавления писателя и таким образом выражают его индивидуальную позицию. Интересно, что в “Краткой истории” такими авторскими добавлениями чаще всего оказываются не изложения событий и эпизодов, а своеобразные

⁶ См.: *Reinsch D.* Autor und Leser in frübyzantinischen hagiographischen und historiographischen Werken // XVIII Международный конгресс византистов: Пленарные доклады. М., 1991. С. 400 и след.; *Ljubarskij J.* “Writers’ Intrusion” in Early Byzantine Literature // Там же. С. 438 и след.

⁷ ἑτέραν δὲ ὡς περ ἱστορίαν σοὶ πραγματεύσομαι ἀπὸ Καίσαρος Ἰουλίου λαβὼν τὴν ἀρχήν, ἵν’ ἔχοις τὰ μὲν μιμεῖσθαι τῶν βασιλέων, τὰ δὲ κομψέσθαι τε καὶ βδελύττεσθαι. См.: H.S. 10. 61–63. Наш не очень точный перевод – попытка передать игру слов μιμεῖσθαι – κομψέσθαι.

⁸ Все параллельные источники к “Краткой истории” (главным образом “Лев Грамматик”, Кедрин, Зонара) с достаточной полнотой выявлены в комментарии В. Эртса. Проблема, откуда Пселл черпал свои сведения, остается пока невыясненной. Текст “Краткой истории” более всего походит на хронику “Льва Грамматика”.

комментарии к поступкам или качествам тех или иных императоров. Вот некоторые из примеров. “Царю следует пользоваться глазами и ушами многих людей, только чтобы были они не вероломны и злонаравны, а благомысленны и честны” (H.S. 32. 55–57). “Каждому царю должна быть свойственна важность, а также строгость и доблестный дух” (H.S. 78. 13–13). “...Не ведая, что истинная справедливость занимает среднее место между ее избытком и недостатком... он (император Феофил. – Я.Л.) больше должного уделял внимания делам справедливости” (H.S. 86. 49–50). Параллельные тексты лишены подобных комментариев, и, можно думать, воспитатель Михаил VII ввел их с назидательными целями.

Приведенные пассажи были декларациями общего характера, и можно только гадать, какие конкретные поводы заставили Пселла включить их в свою компиляцию. Однако цель некоторых других текстовых включений кажется нам очевидной. Прежде всего это относится к главке, посвященной Александру Северу. Этот молодой император “...любил мать больше должного. Он ничего не делал сам по себе, но подчинялся своей властелинковой матери. Она же была весьма благочестива, но не слишком приспособлена к царскому управлению. Ее желания выходили за рамки должного. Сына, стремившегося к царской власти, она приручала как жеребенка и крепко держала в руках вожжи, а он подчинялся каждому движению ее руки. Даже если надо было идти в военный поход, она собирала для него войско. Вот почему он потерпел поражение в битве с персами и, вернувшись в столицу, искал утешения на ее груди” (H.S. 26. 46–54). Параллельные источники не содержат такого пассажа, и у Пселла должны были быть особые причины включить его в свой текст.

На природу этих причин, кажется нам, бросает свет отрывок из “Хронографии”, касающийся отношений его ученика Михаила VII с матерью Евдокией, который мы приводим ниже. “Не стану восхищаться тем, как благоговел перед нею Константин (имеется в виду брат Михаила VII) ... но тому, что ей подчинился и препоручил все дела Михаил, давно миновавший детский возраст и вступивший в зрелую пору, обладавший несравненным умом, который уже не раз успел обнаружить, – вот этому мне не найти других примеров и не восславить его, как подобает. И видел я много раз, как Михаил и мог бы говорить при матери, да молчал, будто не мог, и способен был к чему угодно, но от царских дел отстранялся”⁹. Панегирист Пселл в “Хронографии” восхищается послушанием Михаила, однако очень возможно и даже вероятно, что в историческом сочинении, предназначенном для наставления своего воспитанника, косвенным образом предупреждает его против излишнего смирения перед матерью.

В этом контексте вряд ли является случайностью и то, что Пселл в отличие от прочих историографов в главке об Ирине и Константине весь свой рассказ посвящает отношениям матери и сына, явно осуждая их вражду, приведшую к трагическому исходу (H.S. 80. 60). Весьма знаменательно при этом, что о центральном событии эпохи – восстановлении иконопочитания – сообщается мимоходом и даже не в главном предложении, а в причастном обороте, в то время как весь рассказ посвящен исключительно взаимоотношениям царственных матери и сына. Тема эта, видимо, была весьма актуальна для писателя.

Сделанные наблюдения получают определенное подтверждение и при рассмотрении раздела, посвященного Константину VII. Жизненный путь этого императора в некоторых аспектах напоминает судьбу Михаила и, возможно, рассматривался писателем как ее своеобразный аналог. И Михаил и Константин очень рано были провозглашены императорами, оба разделяли власть с матерями и находились под покровительством царских опекунов, оба, наконец, были или, по крайней мере считались “учеными властителями на троне”. Не исключено, что именно эти ассоциации руководили Пселлом, ко-

⁹ *Michaele Psello. Imptatori di Bizanzio (Cronografia) / Testo critico a cura di S. Impellizeli. 1984. II. P. 320.*

гда он писал о Константине: “Царь Константин получил царскую власть еще ребенком и потому правил через опекунов. Его наставниками в искусстве властвовать были люди могущественные и ученые, сам патриарх и мать. В результате было совершено много неумеренностей и введено немало новшеств, ибо одни из императорских учителей хотели одного, другие – другого” (H.S. 92. 56–80). Немного далее писатель добавляет: “Повзрослев, Константин взял на себя все дела и, удалив опекунов, царствовал вместе с матерью” (H.S. 94. 97–98). Последнее замечание не вполне исторически справедливо: мать Константина Зоя Карбонопсина уступила власть Роману I в 919/920 г., когда ее сыну было только пятнадцать лет. Пселла, однако, заботит здесь не столько верность исторической правде, сколько аналогии с современной ему ситуацией. Важны постоянный интерес писателя к взаимоотношениям царственных матери и сына и те мысли о них, которые он стремится внушить своему ученику.

Возможно, параллелизм между Константином и Михаилом следует продолжить. Как уже говорилось, Константин VII известен в византийской традиции в качестве “ученого императора”. Воспитать из Михаила “ученого императора” было главной целью его наставника Пселла. До нас дошло весьма интересное свидетельство того, что современники осуждали философа, который в отчаянной ситуации семидесятых годов XI в. обучал своего царственного ученика... сочинению ямбов и анапестов¹⁰. В таком контексте приобретает особый и вполне актуальный для Пселла смысл следующая характеристика, которую он дает Константину: “Этот царь также увлекался словесностью. Имеются письма, свидетельствующие о его образованности, речи, демонстрирующие знание правил словесности, а также сочинения, отнюдь не совершенные в отношении искусства красноречия, но использующие все риторические фигуры. Он также заботился о всевозможных размерах и ритмах. Во всяком случае он почтил ямбами свою скончавшуюся жену и создал другие искусные сочинения” (H.S. 94. 6–12).

Думается, немного византийцев в XI в. могли на таком “профессиональном уровне” оценить литературную деятельность Константина VII. Учитывая особое внимание Пселла к эстетике литературных произведений и его специальный интерес к ямбической поэзии, появление и этого пассажа в произведении, адресованном Михаилу VII, не следует считать случайностью¹¹.

Нашу гипотезу об актуальности ряда сентенций и эпизодов “Краткой истории” может подтвердить и главка, посвященная отцу Константина VII – Льву VI. Подобно своему сыну он тоже считался в византийской традиции “ученым императором”, однако Пселл оказался единственным из всех византийских историков, который в ущерб всем прочим аспектам деятельности императора счел нужным одну треть всего рассказа посвятить ученым и литературным занятиям Льва (H.S. 88.5 – 90.19). Согласно писателю, Лев занимался не только философией в общепринятом смысле этого слова (κοινῆς καὶ νενομισμένης), но и философией запретной (ἀλλορηγοτέρας) (H.S. 88.5 sg.). Как следует из дальнейшего, Пселл имеет в виду оккультные науки. “Его учителем и наставником в этом, – продолжает историк, – был другой Лев – философ, который благодаря заповедной силе был знаком со всякими гаданиями и волшебством” (H.S. 88.11 – 90.13). Пселл не совсем прав. Лев Философ не мог быть учителем императора Льва по хронологическим соображениям. Вряд ли также Пселл непосредственно ассоциировал Михаила VII со Львом VI, а себя – с Львом Философом, хотя сам он тоже не был чужд оккультному знанию, но его интерес к философским и научным занятиям императора и отношениям наставника с его царственным учеником безусловен.

¹⁰ Τσολάκη Θ. Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη (Ioannes Scylitzes continuatus). 1965. 171. 6 sg.

¹¹ Этот же пассаж мы находим в хронике Иоанна Зонары (Ioannis Zonarae Epitome Historiarum / Ed. L.Dindorf. 1871. IV. P. 677.5–13), однако имеются основания полагать, что Зонара непосредственно пользовался текстом “Краткой истории”.

Дальнейшее содержание этой главы под-тверждает наше предположение. Подобно своему сыну Лев VI занимался не только философскими и научными сюжетами, но также риторикой, эпистоლოграфией и прочей словесностью. И в данном случае тоже Пселл не может противостоять искушению вынести свое суждение о литературной деятельности своего героя, причем оценивает ее главным образом с эстетической точки зрения. Его произведения были написаны в традиционном стиле (εἰς τὸν ἀρχαῖον τυπὸν βιαζομένου) были лишены красоты (καλλή), им недоставало прелести (χαρίτας), они не были искусно построены и не отличались блеском и правильностью. Его письма, хотя и написанные по правилам, были лишены юмора и не могли увлечь читателей (οὐ μὴν ἰλαρὰς οὐδὲ διατιθείσας εἰς τοὺς ἀναγνώσκον-τας) (H.S. 90. 13–19). В приведенных строках содержится очень сжатое, но весьма точное выражение не раз декларированных Пселлом воззрений на риторику и литературу¹².

Субъективизм и ассоциативность ряда пассажей “Краткой истории” кажется нам очевидной, хотя абсолютно точных доказательств в подобных случаях, как правило, существовать не может. Одним из таких примеров является глава о Юлиане Отступнике. Нетрудно заметить, что отношение Пселла к этому императору несравненно более благожелательно, нежели в параллельных источниках. Хотя и “Лев Грамматик”, и Кедрин говорят об аскетической жизни Юлиана, ни один из них не упоминает об отношении императора к ученикам. Согласно же Пселлу, Юлиан “...говорил, что философ, по возможности, не должен давать себе никакой передышки, и занимаясь учениками, и ежечасно будучи погружен в чтение книг, он молил своих богов освободить его от желания спать и стремления к наслаждениям и укрепить в неизменной и постоянной любви к знанию” (H.S. 38. 3–6). Было бы нетрудно в данном случае подменить имя Юлиана Отступника на самого Пселла, который неоднократно выражал свою глубокую привязанность к ученым занятиям и ученикам, некоторых из которых сурово порицал за леность¹³.

Заметим, что личность Пселла обнаруживается в “Краткой истории” и другими еще менее “прямыми” путями. Вряд ли можно сомневаться, например, в том, что образ императора, созданный Пселлом в *Historia Syntomos* – произведении типа *Fürstenspiegel*, – во многом определяется индивидуальной авторской позицией. Идеальный император, по Пселлу, мудр (σοφός), учен (λόγιος), миролюбив (εἰρηνικός), человеколюбив (φιλόανθρωπος) и находится в окружении просвещенных советников – философов. Таким изображен идеальный император и в других произведениях писателя. Особенности представлений Пселла особенно отчетливо проявляются при сравнении с образом императора в “Стратегиконе” Кекавмена, написанном примерно в то же время и, вероятно, адресованном тому же Михаилу VII¹⁴.

“Авторское присутствие” в тексте “Краткой истории” можно, наверняка, выявить и иными путями: анализом языка и даже художественной манеры писателя. Что касается языка, то многочисленные параллели с другими сочинениями Пселла даются в комментарии самого В. Эртса, наблюдения же над художественной структурой “Краткой истории” должны быть опубликованы в другой нашей работе. Ограничимся здесь лишь утверждением, что и в этом отношении *Historia Syntomos* весьма напоминает пселловскую “Хронографию”.

Существует ли проблема авторства “Краткой истории”?

¹² О литературных воззрениях Пселла см.: Любарский Я. Михаил Пселл... С. 130 и след.

¹³ См., например, при речи Пселла в кн.: *Psellos V. De operatione daemonum* / Ed. F.Boissonade. Nürnberg, 1838. P. 140–153.

¹⁴ См.: Советы и рассказы Кекавмена / Подгот. текста, введ., пер. Г. Литаврина. М., 1972. С. 274 и след.